

Эволюция геополитических взглядов в Китае

© 2010

Я. Бергер

На основе анализа опубликованных за последнее время в КНР книг рассматриваются геополитические воззрения китайских исследователей различной идейной ориентации: националистической, великодержавно-экспансионистской и реалистической. Та или иная ориентация в значительной мере предопределяет выбор военной доктрины и внешнеполитической стратегии. Подлинным национальным интересам КНР соответствует лишь реалистический подход.

Ключевые слова: геополитика, стратегия, безопасность, вестернизация, национализм, великодержавие, экспансионизм.

В последние годы наметились важные перемены в глобальной геополитической обстановке. В немалой степени они связаны с растущей ролью Китая в мировом балансе сил. Им способствует как поступательное продвижение Китая к реализации своих долгосрочных стратегических целей, так и глобальный кризис, поразивший больше всего многолетних лидеров мировой экономики и политики.

Глобальный финансовый кризис и вызванный им упадок мировой экономики, по словам Чжан Дэгуана, бывшего главы секретариата ШОС и посла КНР в России, ослабили совокупную национальную мощь США и стран Запада и бросили вызов способности США управлять порядком в мире. Кризис также нанес серьезный ущерб и развивающимся странам, но он не смог обратить вспять крепнущую в последние годы тенденцию к сокращению экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами, к увеличению влияния последних на международные дела¹.

Столь крупные сдвиги не могли не найти отражения в общественной мысли Китая, включая работы политологов и других профессионалов, анализирующих действующие тенденции и выстраивающих свои стратегические гипотезы на перспективу. Серьезные изменения происходят и в нынешних взглядах китайских экспертов на международные позиции и внешнюю политику Китая по сравнению с теми, что преобладали в докризисную эпоху².

Эволюцию можно заметить в нескольких направлениях. Прежде всего, следует констатировать определенную *радикализацию* подходов. Самое главное, по-видимому, заключается в идее о том, что Китай должен максимально использовать для дальнейшего рывка вперед те благоприятные возможности, которые предоставляет ему нынешняя историческая обстановка. Упустить исторический

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока".
E-mail: yakovberger@mail.ru.

шанс, не воспользоваться им в данный конкретный момент может означать, по глубокому убеждению Пекина, утрату его навсегда. Сегодняшняя ситуация представляется наиболее выгодной для решительного усиления позиций КНР по многим, если не по всем, векторам международной политики. А это означает, что прежнее осторожное, поступательное движение, фиксировавшееся в концепции мирного развития Китая, оказывается недостаточным, и на повестку дня встает ее модификация, главным образом, путем сочетания ее с *глобальным расширением сферы государственных интересов КНР*.

Военная доктрина КНР официально по-прежнему считается оборонительной. Однако поскольку оборонная политика и военная стратегия определяются национальными интересами, а последние, как отмечено выше, подвержены глобальной диффузии, то и горизонты обороны тоже существенно раздвигаются. «Национальная оборона должна защищать государственные интересы и владеть стратегической инициативой в пространстве, выходящем за рамки территориального суверенитета»³. Соответственно в задачи стратегии включают отстаивание экономических и иных интересов государства на дальних рубежах всеми мерами, включая вооруженную мощь,

Целенаправленное изменение мирового баланса сил не может протекать бесконфликтно. Отсюда меняется и восприятие угроз национальной безопасности. До кризиса абсолютно доминировало представление о том, что непосредственной военной угрозы безопасности Китая не существует, что главными целями внешнеполитической стратегии являются обеспечение мирной внешнеполитической обстановки для модернизации и развития КНР, избежание конфронтации и холодной войны с Западом, особенно с США. Теперь многие исследователи констатируют возрастающую опасность окружения Китая и выхода из-под контроля очагов напряженности внутри страны и по периметру границ.

Другой важной тенденцией современной геополитической мысли можно считать значительную *диверсификацию* воззрений китайских исследователей. Еще несколько лет назад такого разнообразия, как сегодня, не существовало. Наличествовали, конечно, немалые различия между старыми и новыми левыми, между левыми и либералами — преимущественно по вопросам экономического, социального, внутривнутриполитического строительства. Но в международных вопросах преобладали анализ и комментирование модифицируемых официальных доктрин в более или менее схожем ключе.

Ныне ситуация многократно усложнилась. Официальные доктрины в ряде случаев вообще оставляются без рассмотрения, а взамен предлагаются концепты, либо собственного производства, либо заимствованные у западных коллег и более или менее приспособленные к национальной почве. При этом, однако, и это самое важное, при всем многоцветии сегодняшних воззрений их базовые императивы оказываются нередко весьма близкими друг к другу, а способ их изъяснения значительно более откровенный, чем это было принято прежде.

В настоящей статье делается попытка на основании китайских публикаций последнего времени проследить некоторые формы меняющегося самоощущения китайских интеллигентов и элиты и восприятия ими окружающего мира и места в нем Китая. Предлагаемая панорама, разумеется, не претендует на полноту. Из рассматриваемого ниже материала не совсем так же ясна распространенность тех или иных направлений геополитической мысли. Тем не менее, сходства, и различия их контента проявляются с достаточной очевидностью.

В литературе, посвященной проблемам становления Китая как мирового лидера, можно выделить три основных течения. Первое отличается безусловной антизападной, особенно — антиамериканской направленностью. Здесь фигурируют как работы публицистического характера, уповающие на возврат к традиции, так и сочинения, опирающиеся на военные доктрины.

Второе направление представлено теми, кто видит путь Китая к возвышению в сочетании сотрудничества и противоборства с Соединенными Штатами Америки, при сильной примеси негативизма в отношении России. В общем отношении к Западу хитроумные расчеты в духе древних стратагем парадоксальным образом сочетаются с сервильностью.

Между работами националистического и великодержавно-экспансионистского толка нет непроходимого барьера. В ряде моментов позиции их авторов сходятся. Вместе с тем современный китайский национализм — это, прежде всего, достаточно широкая *общественная реакция* на агрессивную и гегемонистскую внешнюю политику США, на усиление разлагающего идеологического и культурного влияния США в самом Китае и на попытки проамерикански настроенных представителей китайской элиты навязать Китаю американскую модель развития и усилить его зависимость от США. Необходимо также особо подчеркнуть, что работы китайских националистов, как правило, лишены антироссийской направленности.

Что же касается сочинений по преимуществу великодержавно-экспансионистского характера, то они выражают взгляды определенной части китайской *политической и военной элиты*, которая имеет немаловажные позиции в истеблишменте и намерена усиливать свое влияние на внешнюю и оборонную политику страны. В отличие от националистов авторы великодержавно-экспансионистских работ не верят в возможность широкомасштабного вооруженного столкновения США и Китая. Задачи восхождения Китая на позиции мирового лидера они надеются решать путем лавирования и постепенного оттеснения США на вторую позицию, в частности, путем использования для реализации своих планов Японии и мусульманского мира. Если националисты полагают, что Китай для восстановления своей территориальной целостности и обеспечения безопасности поставок энергоресурсов и торговли должен усиливать свои позиции на южном направлении, опираясь на строительство мощных ВМФ и ВВС, то великодержавники стремятся повернуть экспансию Китая в северном и западном сухопутных направлениях, в сторону Центральной Азии и Сибири.

В третьем направлении центральное место занимают работы, идеологически менее ангажированные, претендующие на использование более рационального, аналитического и теоретического подхода. Их исходные позиции более близки реальным национальным интересам Китая. Они, как правило, выступают за сотрудничество с Россией, хотя и не всегда готовы в полной мере уважать ее интересы, особенно в тех случаях, когда с не слишком дальновидной точки зрения, российские интересы на соседних территориях не совпадают с интересами Китая.

В отношениях с Западом и США реалисты занимают достаточно сдержанную, прагматичную позицию. Они вполне отдают отчет в наличии огромной дистанции, которая отделяет сегодня Китай от тех позиций, которые на деле позволили бы ему претендовать на роль мирового лидера, и стремятся не доводить до крайности неизбежные трения и конфликты столь долго, насколько это окажется возможным.

Национализм.

Авторы радикально антизападных и антиамериканских публикаций — люди разного социального статуса, разных профессий, разного отношения к истеблишменту, но объединяемые сходным душевным порывом, единым неприятием западных рецептов по развитию Китая, единым осуждением попыток Запада сдерживать Китай, создавать для него внешние угрозы.

Важным компонентом данного течения общественной мысли служат призывы к демистификации Запада, особенно США, к освобождению от иллюзий на счет западных ценностей, западного образа жизни, приверженности к миролюбию.

Среди наиболее заметных публикаций антизападной направленности следует упомянуть, прежде всего, сочинения двух публицистов из авторского коллектива, выпустившего несколько раньше книгу “Китай недоволен”, которая вызвала неодобрение либерально настроенных интеллектуалов и поддержку пользователей Интернета с “левыми” настроениями. Один из этих авторов — Лю Ян опубликовал (кстати говоря, в официальном издательстве “Жэньминь чубаньшэ”, что, несомненно, свидетельствует о наличии у него определенной политической поддержки) произведение под названием “Для Китая нет образца”⁴.

По словам Лю Яна, за 30 лет реформ сбьлись многие чаяния китайского народа, связанные с повышением его жизненного уровня. Но вместе с тем Америка стала для многих образцом для подражания в самых различных областях жизни. Китайская мечта стала походить на американскую.

Указывая на пороки западной цивилизации и утверждая, что наступает ее закат, автор подводит читателя к мысли, что образцом для мира должен стать Китай, с его более рациональной, чем у Запада, системой ценностей и со своими традиционными представлениями о законе и демократии. Китай, полагает Лю Ян, должен черпать способность противостоять новым вызовам из своей традиционной культуры. Необходимо коренное изменение западной цивилизации, что возможно только, если человечество поставит мораль выше выгоды. И эту великую миссию должен осуществить Китай: сначала в своих пределах, а затем, по своему примеру, повсеместно. Очень вероятно, что не желающие сойти со сцены игроки, для которых выгода превыше всего, пойдут на новые конфликты. Поэтому Китай должен обладать достаточным военным потенциалом, чтобы в случае необходимости защитить свои национальные интересы. Такова китайская мечта, которая принадлежит всему человечеству, но, прежде всего, самим китайцам. Настанет день, когда существование Китая станет, утверждает Лю Ян, счастьем для всего мира.

Другой автор из числа “недовольных” — Ван Сяодун, который, начиная с 90-х годов прошлого века, выступает, по его собственному определению, провозвестником “современного китайского национализма”. Национализм, считает Ван Сяодун, это всего лишь стремление превратить свою страну в сверхдержаву. По сути, это — своего рода патриотизм, направленный, прежде всего, против “расизма наизнанку”, против самоуничужения перед Западом, перед “белым человеком”. При этом утверждается, что национализм не противостоит демократическим порядкам, что за пределами страны он должен отстаивать права нации, а внутри страны — права человека.

Новая книга под названием “Большое государство по воле Неба” представляет сборник ранее опубликованных работ⁵. Их важнейшим отправным момен-

том служит понятие “жизненного пространства”. Китай, утверждает Ван Сяодун, должен, как минимум, защищать свое жизненное пространство и “рационально расширять” его. Вооруженная мощь нужна Китаю, чтобы в условиях глобализации экономических и иных интересов эффективно отстаивать их на дальних рубежах, защищать право нации на существование и мир во всем мире.

Особую группу публикаций этого типа представляют работы военных аналитиков. В них главное внимание уделяется угрозам, которые представляет для Китая политика США, и проводится мысль, что Китай может выйти на лидирующие позиции в мире, лишь опираясь на превосходящую военную мощь.

Одна из наиболее известных фигур китайского Интернета — старший полковник ВВС, научный сотрудник Центра стратегических исследований Пекинского университета Дай Сюй. В начале 2010 г. вышла книга Дай Сюя, в которой прокламируется неизбежность войны⁶. Рассматривая ситуацию в государствах, которые находятся в подковообразной полосе, опоясывающей Китай с востока, юга и запада, Дай Сюй повсюду видит наращивание наступательных вооружений и приготовления к войне, координируемые США. Единственный не замкнутый пока участок находится в Северо-Восточной Азии и вдоль границы с Россией. Но полковник опасается, что Япония может договориться с Россией, а если изменится еще и ситуация на Корейском полуострове, то кольцо вокруг Китая полностью сомкнется.

Стремление США окружить Китай, полагает Дай Сюй, диктуется не природной враждебностью, не столкновением цивилизаций или идеологий, а исключительно стратегической целью США создать глобальную империю. Все, что происходит вокруг Китая, а также терроризм и беспорядки в его национальных районах — это не случайные, изолированные события, а звенья единой стратегии США. И чем дальше, тем опаснее будут становиться такие события.

США, по мнению Дай Сюя, фактически реализуют план, разработанный З. Бжезинским. Американский геополитик исходил из того, что глобальные интересы США сосредоточены на трех фронтах. Методы на этих фронтах использовались разные. Против исламского мира — прямые военные удары. Против России — цветные революции, продвижение НАТО на восток, давление с помощью противоракетных систем, осада и расчленение. Против Китая — связывание экономики, истощение финансов, геополитическое окружение, политическое вмешательство, посулы, военное давление и дипломатическое раскачивание.

К сожалению, пишет Дай Сюй, у трех оппонентов США пока отсутствует солидарное восприятие этой ситуации и желание взаимодействовать. Каждый в основном ведет свою собственную борьбу, защищает себя. Иногда они даже оказывают стратегическое содействие США в уничтожении оппонента. Например, при американском вторжении в исламский мир под предлогом борьбы с терроризмом Россия предоставила США базы и информационную поддержку. США, однако, не ответили России взаимностью, а напротив, стали разрушать СНГ посредством цветных революций, устанавливая противоракетные системы в Восточной Европе, выдавливать Россию из ее стратегического пространства. Россия, наученная горьким опытом, извлекла необходимые уроки. Об этом говорят ее действия после начала грузинской войны. Россия не уступила ни пяди земли США и Западу в Центральной Азии, и американская военная колесница повернула в сторону Китая, пытаясь осуществить прорыв на этом направлении.

Китай тоже оказал моральную и материальную поддержку антитеррористическим акциям США в Афганистане, а США в ответ начали вести с афганской

территории радиовещание на уйгурском языке, передавая Ребии Кадир инструкции по организации террора и беспорядков в Синьцзяне.

За 20 лет после окончания холодной войны США добились крупных успехов на всех трех направлениях. Они взяли под свой полный контроль всю территорию исторических империй: Персидской, Александра Македонского, Римской, Чингис-хана, Османской, Британской, большую часть Российской империи, периферию Китайской империи при ханьской и танской династиях и готовятся поглотить всю бывшую Российскую империю и сердцевину Ханьской и Танской империй.

Положив в основном после расправы с Саддамом конец возрождению исламского мира, США усилили давление на Россию и Китай. США не только держат Китай в полукольце, они его шаг за шагом удушают. Из 28 отраслей китайской экономики США контролируют 21. В течение многих лет, пока Китай был одурманен данными о ВВП и объемах внешней торговли, США вели курс на его экономическое обесценивание. Они занимают у Китая деньги и вкладывают их в его экономику, уничтожают китайские бренды, контролируют добычу полезных ископаемых, приобретают паи в китайских банках, манипулируют рынками капитала и недвижимости, не позволяя Китаю покупать американские предприятия, не поставляют Китаю высокие технологии и вооружение, разрешая лишь приобретать большие партии своих казначейских облигаций.

Американская внешняя политика, по словам Дай Сюя, направлена на изоляцию Китая, на отторжение от него друзей и союзников. Усиливается американская поддержка “пятой колонны” внутри страны. США, убежден Дай Сюй, могут быстро вооружить 300–500 тысяч противостоящих Центру уйгур и мгновенно перерезать нефтяные и газовые артерии Китая. Далай-лама, по словам Дай Сюя, тесно связан с деятелями демократического движения в Китае, с Демократической прогрессивной партией на Тайване. США внедряют также множество шпионов в важные отрасли экономики и в научные учреждения.

США окружают Китай не потому, что они стремятся осуществить прямое вторжение на его территорию, но для того, чтобы Китай тратил свой военный бюджет на бесполезную ее оборону, они не могут допустить, чтобы он бросил вызов превосходству США на море и в воздухе, обеспечивающему их мировую гегемонию.

Войну, настаивает Дай Сюй, нельзя допустить на китайскую территорию. Ее надо вести на дальних оборонительных рубежах, не ближе 4 тыс. км. Поскольку у Китая нет союзников, нет авианосцев, нет стратегических опорных пунктов, постольку главный упор надо делать на авиацию дальнего действия. Нельзя стремиться только к тому, чтобы избежать войны. Справедливая и законная война необходима. Китай, полагает Дай Сюй, не может избежать войны, причем в ближайшем будущем, не позже, чем в течение 10–20 лет.

Действуя против Китая, США одновременно стремятся расчлнить Россию. Чтобы поставить под свой контроль евроазиатский материк, им нужно удержать и Китай, и Россию. Независимо от того, кто из них падет первым, другой непременно станет следующей жертвой.

Великодержавие и экспансионизм

Весьма влиятельным представителем великодержавно-экспансионистского направления китайской геополитики можно считать генерал-лейтенанта НОАК Лю Ячжоу. В конце января 2010 г. он занял должность политкомиссара и

секретаря парткома Университета государственной обороны. Это учебное заведение, непосредственно подчиненное Центральному военному совету КПК, готовит высший командный состав вооруженных сил КНР. Ректор и политкомиссар университета по своему рангу приравнены к командованию военными округами.

Лю Ячжоу — зять Ли Сяньняня, в прошлом — одного руководителей КНР. Это означает принадлежность к высшей политической элите страны нашего времени.

В 80-е годы прошлого века Лю Ячжоу имел возможность стажироваться в США. Возвратясь на родину он стал быстро продвигаться по карьерной лестнице. На XVII съезде КПК его избирают членом Центральной комиссии по проверке дисциплины.

Интересы Лю Ячжоу весьма многосторонни. Помимо собственно военной стратегии, в поле его зрения находятся внешняя и внутренняя политика, экономика, этика и мораль, религия и культура.

Сравнивая Китай с Западом, Лю Ячжоу констатирует превосходство последнего во многих отношениях. С его точки зрения, западная элита намного более совершенна, чем китайская. Особенно высоко ставит Лю Ячжоу американскую демократию. По его словам, она проникает в кровь и плоть американцев. Такая нация, говорит он, более, чем какая-либо другая, достойна благоденствия, и только она может господствовать в мире⁷.

В тысячелетней конкуренции Востока и Запада, полагает Лю Ячжоу, Запад победил Восток. Одержали верх западная религия, западный дух. По Лю Ячжоу, в истории Китая не было философов и мыслителей, равных Гегелю, Сократу, Платону.

В центре геополитики, с точки зрения Лю Ячжоу, находятся ресурсы. Поэтому безопасность не сводится к неприкосновенности национальной территории. Чем шире раздвигаются интересы, тем дальше должны продвигаться передовые рубежи безопасности.

Поскольку развитие Китая не может опираться только на внутренние ресурсы, постольку именно здесь сталкиваются коренные интересы США и Китая. Поэтому пути к рынкам блокируются с помощью Тайваня, доступ к нефти перекрывается посредством войны в Афганистане, возможности использования мировых рынков продовольствия ограничиваются.

Будущая концепция безопасности Китая включает в себя безопасность собственной территории и сферы интересов. Безопасность границ лимитирована, но пределы безопасности безграничны⁸. Отсюда следует вывод о безальтернативности развития ВВС. В краткосрочной перспективе Китай не может, подобно США, поглотить весь мир, но он в состоянии поглотить несколько его кусков, иными словами, подпитывать себя мировыми ресурсами. Здесь находится болезненный корень затруднений в отношениях с США. Только став неодолимым соперником США, Китай может стать их другом.

США, по Лю Ячжоу не навязывают современному миру свое господство, но устанавливают в нем порядок. Они не в состоянии господствовать в мире и добиваются сотрудничества под своим руководством, а не противостояния. США втягивают и Китай, и Россию в свой порядок, побуждают их следовать установленным ими правилам игры. Эти правила рациональны и потому более приемлемы, чем аналогичные гегемонии, существовавшие в истории.

Лю Ячжоу не сомневается в том, что США хотели бы, чтобы Китай изменил цвет. Но он не верит, что США, действительно, стремятся к развалу Китая и

готовы использовать для этой цели вооруженную экспансию. США не в состоянии в настоящее время развязать против Китая войну, тем более — ядерную. Такая война превратила бы восточное полушарие в руины.

Идеологические разногласия между США и Китаем сводятся к вопросу о приоритетности прав человека или национального суверенитета. Это противоречие неразрешимо, но его и не нужно разрешать. Каждый американский президент в начале своего выборного срока поднимает знамя прав человека, но потом постепенно отодвигает его в сторону. У США и Китая нет непримиримых интересов, убежден Лю Ячжоу. Многополярность не предполагает неперемennого противостояния США, хотя и противоречит их стратегическим интересам.

Американская стратегия в Азии состоит в том, чтобы азиаты боролись с азиатами. Им противостоят здесь Япония и Китай, но главный соперник — Япония, поскольку у нее есть реальная сила, а у Китая она — в потенци. Поэтому главные свои усилия США сосредоточивают на том, чтобы прочно контролировать Японию. И одновременно присматривать за Китаем. У США против Китая есть немало козырей, главный из них — Япония. Больше всего они боятся сближения этих двух стран. Многие считают такое сближение невозможным, но США всерьез его опасаются. Они знают, что сил каждой из этих двух стран в отдельности недостаточно, чтобы поколебать позиции США в Азии. Но совместными усилиями они могут этого добиться. Китайско-японское сближение может бросить серьезный вызов США. Им будет трудно сохранять свое военное присутствие в Южной Корее. А потеряв Восточную Азию, им не удержаться и в Юго-Восточной Азии. США должны будут отступить во всем Тихоокеанском регионе. Сфера их глобального влияния сократится на треть. В Азии США сохранят лишь маргинальные позиции. Вся политическая обстановка в мире будет перекроена. Наступит подлинная многополярность. От китайско-японского сближения выиграют не только эти две страны, но и весь мир, а проиграют только США.

Ради приобретения источников сырья и энергии Япония способна пойти на новую авантюру. Если возродится японский милитаризм, то, вероятнее всего, он будет направлен на север или на юг: в сторону ресурсов Сибири или Тихого океана. Но на юг его не пустят США, пока сохраняется их присутствие в тихоокеанском регионе. Лю Ячжоу предлагает обдумать возможную поддержку Китаем японских требований о возврате четырех северных островов, чтобы стимулировать решимость Японии продвигаться на север. Он допускает возможность схватки между Японией и Россией за Сибирь в недалеком будущем. Помимо инвестиций в Сибирь ради установления контроля над ней, возможна также тайная поддержка местных раскольнических сил, выступавших за независимость Сибири, за создание “Амурской республики” во время развала Советского Союза. При реализации такого сценария либо понесут урон обе стороны, либо Россия еще более ослабнет и, в конце концов, будет вынуждена уйти из Азии. Япония, получившая контроль над Сибирью и отделенная от Аляски только Беринговым проливом, естественно, будет представлять большую опасность для США. Если же Россия будет готова предоставить Японии возможность одностороннего освоения Сибири, то Китай может выступить с проектом трехстороннего сотрудничества. Однажды войдя в этот район, он уже его не покинет.

Лю Ячжоу утверждает, что в течение почти полутора сотен лет Китай жил под тяжким прессингом со стороны России⁹. Только развал Советского Союза ослабил этот прессинг. Он характеризует русских как нацию экспансионистскую, но вместе с тем обладающую сильным духом самовосстановления. Терри-

тория России сильно уменьшилась и в дальнейшем, полагает Лю Ячжоу, она может еще более сократиться, но люди обрели больше свободы, и это может послужить двигателем нового подъема России, которому, с его точки зрения, надо противостоять.

Китай, утверждает он, должен проявлять бдительность по отношению к возрождению России и ни в коем случае не помогать ему. Нужно лишь использовать мощь России, чтобы уравнивать США, но не допускать, чтобы такая позиция перерастала в союзнические отношения. Только если Россия останется слабой, Китай сможет ее использовать. Поэтому ему нужно, чтобы Россия не укрепилась в такой степени, чтобы угрожать Китаю, но и не ослабла настолько, чтобы окончательно опереться на США.

Китай, по убеждению Лю Ячжоу, не может враждовать с США. Он далеко еще не является подлинно крупной державой. Изображать себя таковой и надуть щеки — крайне опасно. Китай не стал еще в полной мере сухопутной военной державой. Попытка же встать в ряд мощных военно-морских держав и строить авианосцы равносильна повторению “большого скачка” в военной сфере. Но это не значит, что Китай не должен стремиться к стратегическому равновесию с США. Только такое равновесие может удержать Тайвань от попыток провозгласить независимость. Мирное возвышение должно опираться на военную силу.

Центр китайской стратегии, полагает Лю Ячжоу, перемещается на запад. Ядро этой стратегии находится в Центральной Азии, которая, по определению Лю Ячжоу, представляет собой второй Ближний Восток. Не только по своим ресурсам, но и в силу своей геополитической и стратегической важности.

Критическое обсуждение взглядов Лю Ячжоу в китайском Интернете продолжается уже несколько лет, то усиливаясь, то на некоторое время утихая. Наибольшее неприятие вызывает уничтожение китайской цивилизации и культуры, очернение всего, что на протяжении долгих веков помогало нации сохранять свое единство и целостность. Во многих откликах подчеркивается, что, лишая Китай его духовных корней, Лю Ячжоу фактически оставляет него единственный выход — всестороннюю и полную вестернизацию.

Вольно или невольно Лю Ячжоу внушает мысль о неодолимости США. Если дело, действительно, обстоит таким образом, говорят критики подобного подхода, то заявления Пекина, что при определенных условиях он готов применить силу, если например, Тайвань провозгласит свою независимость, оказываются пустыми словами.

Решительный протест вызывает идея японо-китайского сближения для совместного захвата природных богатств Сибири. Резкому осуждению подвергается концепция военного продвижения на запад, способная, как полагают, привести к развалу собственной страны, как это уже было в XIX веке.

Идея грядущего глобального верховенства Китая, опирающегося на вооруженную мощь, развивается также в ряде других китайских публикаций последнего времени. Особенно в этом отношении выделяется упомянутая выше и вышедшая в свет накануне нового 2010 г. книга профессора Университета государственной обороны полковника Лю Минфу “Китайская мечта”¹⁰.

Можно выделить ряд ведущих тезисов, которые в разных вариациях многократно развешиваются в довольно объемистом тексте книги. Приведем некоторые из них.

- Китай должен обрести (или — вернуть себе) мировое первенство, или главенство, которое ныне принадлежит США. Он призван взять на себя руково-

дство миром, поскольку американское лидерство угрожает безопасности человечества. Америка, разумеется, приложит все силы, чтобы удержать свои позиции. Китаю не следует питать на этот счет иллюзий.

- Американцы не верят в добрые намерения других стран, в расчет берется только сила. Поэтому Китаю уготована честь быть соперником США.

- США всегда стремились создавать для себя врага. Ныне таким врагом становится Китай. Не в силу расхождений в идеологии или политическом режиме, но исключительно потому, что Китай намерен догнать и перегнать по своей мощи США. США не страшатся Китая социалистического, им страшен Китай сильный. Они предпочли бы иметь дело скорее с Китаем социалистическим, но неразвитым, чем с Китаем капиталистическим и сильным.

- США готовы сотрудничать с социалистическим Китаем и помогать ему, лишь бы он не стремился их догнать и перегнать, лишь бы не домогался ведущего положения в мире. Но добивающийся верховенства Китай, будь он трижды капиталистическим, непременно встретит противодействие со стороны США

- У Китая и США немало конкретных разногласий: по Тайваню, Тибету Южно-Китайскому морю, по проблемам экономики, участию в международных организациях, распространению ядерного оружия, окружающей среды. Но коренное расхождение — это противоречие между страной, обладающей верховенством, и страной, стремящейся стать таковой.

- Поскольку одолеть Китай Америка не в состоянии, постольку она стремится заключить его в объятия. Вашингтон не мыслит отношения с Пекином иначе, чем отношения ведущего и ведомого, руководящего и руководимого. Это — курс на сдерживание с рукопожатиями и улыбками на устах, с заверениями в готовности к дружбе и сотрудничеству. Попытки вовлечь Китай в международные дела сопровождаются политикой “разделяй и властвуй”, попытками противопоставить Китай Японии, Индии, Австралии. Сдерживание, однако, остается ограниченным, поскольку иначе пострадали бы интересы самих США

- Политика “дружелюбного сдерживания” характеризуется как “полухолодная война”. Она представляет определенный прогресс по сравнению с “холодной войной”, но все же несет на себе ее следы. Китай хотел бы еще более цивилизовать этот процесс, привнести в него элементы спортивного состязания.

- Китай и США, будучи мировыми державами, обречены на сотрудничество и партнерство в тех областях, где их интересы совпадают. Но во главе угла остается стратегическое соперничество.

- Глобальное первенство для Китая — это не только первенство в экономике, в материальном производстве, но также первенство культурное, духовное. Китай должен стать знаменосцем мировой культуры. Он призван создать культуру, более привлекательную для мира, чем культура американская, такую, которая может способствовать мирной эволюции Америки. Китайская культура взаимодействует с американской, заимствует из нее полезные элементы. В свою очередь, она может помочь превращению США в негегемонистское государство. Америка — не дьявол и не ангел, но в стратегической конкуренции с ней Китай может способствовать ее восхождению к ангельскому чину и помешать обращению в дьявола.

- Китай должен иметь мощные вооруженные силы. Некоторые полагают, что модернизация национальной обороны не должна ставить задачи догнать и перегнать США, что безопасность Китая не требует создания вооруженных сил

по типу американских или сравнимых с российскими. Но если не ставить перед собой таких задач, то китайская армия останется третьесортной.

- Цель Китая — “богатая страна, сильная армия”. В течение нескольких десятилетий строительство “сильной армии” отставало от строительства “богатой страны”. Теперь настало время, когда обе задачи могут решаться параллельно. По “богатству страны” Китай уже превзошел Россию. Теперь предстоит догнать и перегнать самую развитую, самую изобильную страну мира, догнать и превзойти самое мощное государство и одновременно создать первоклассные вооруженные силы.

- Только наличие у Китая мощных вооруженных сил может служить гарантией того, что между США и Китаем не вспыхнет большая война. Оно необходимо для сохранения баланса в мире, для того, чтобы образумить военных авантюристов в США.

Рост великодержавных настроений в современной китайской публицистике и научной литературе питается как наследием великоханьской традиции, так и новейшим подъемом китаецентризма, обусловленным, в частности, завышенной оценкой реальных достижений последнего времени.

Идеи великодержавия и экспансионизма способны лишь дополнительно подпитывать распространенные в мире опасения “китайской угрозы” и сеять сомнения среди тех, кто искренне приветствует возрождение китайской нации и поддерживает ее стремление занять ведущее место в мировой экономике, политике, культуре. Нетрудно также заметить, что эти идеи противоречат многим официальным документам и международным обязательствам КНР, не говоря уже о призывах к гармонизации мирового порядка.

Реализм

Прагматичную, умеренно антизападную и в целом достаточно конструктивную по отношению к России позицию занимают китайские исследователи, которые создают геополитические конструкции, также нацеленные на отстаивание национальных интересов, но значительно более рациональные и реалистичные.

Среди таких авторов — докторант Билефельдского университета в ФРГ Лю Тао. Пребывая за рубежом уже более десяти лет, он регулярно публикует на родине свои работы, которые в результате вылились в издание книги, названной “Держава первого ранга: мечты, реальность и стратегия Китая”¹¹. В издательской аннотации к книге говорится, что китайский народ более 100 лет мечтал о времени, когда Китай как мировая держава первого ранга сможет на равных говорить другими державами того же порядка и определять вместе с ними правила игры. Сейчас такое время наступает, но процесс превращения доморощенного Китая в мировую державу далеко не завершен.

Анализируя современную международную ситуацию, Лю Тао сравнивает ее с той, что существовала в Китае 2500 лет назад в период Чжаньго (Борющихся царств). Главной ее характеристикой сегодня является мировая гегемония США как единственной и самой мощной во всех отношениях сверхдержавы, которая всеми силами стремится увековечить свою гегемонию и не допустить появления соперника. США, как в свое время Римская империя, все более широко простирает свою глобальную экспансию. В результате мир все более теряет динамическое равновесие и становится все более опасным.

Концептуальной основой книги Лю Тао служат идеи известного британского географа, родоначальника англо-американской школы геополитики Хэл-

форда Джона Макиндера, развитые им в начале XX в. Его теория мирового “хартленда” используется для объяснения истории Китая. Другим идейным источником служат труды Николаса Джона Спайкмэна, который позднее выдвинул понятие “римленда”. Оно позволило считать сердцевиной мира не район “хартленда” евроазиатского континента, а его восточную и западную периферию, где и появились мировые державы, концентрировавшие в своих руках огромные людские и природные ресурсы.

Свои надежды на превращение Китая в державу первого ранга Лю Тао связывает с приоритетностью морской силы. Китай, по мнению Лю Тао, не должен ставить перед своим ВМФ задачу глобального преобладания. На это у него нет реальных возможностей. Ему нужны достаточные морские силы, оборонительные, но способные обеспечить экономическую безопасность страны, внешнюю торговлю и транспортировку энергоносителей, защитить необъятные интересы зарубежных торговых связей.

Всестороннее восстановление и нормализация китайско-российских отношений и превращение границы между двумя государствами в границу дружбы способствовало, по мнению Лю Тао, переходу от стратегии континентальной силы, обращенной долгое время в сторону севера, к стратегии морской силы.

Вместе с тем в результате развала Советского Союза и последующих политических сдвигов в корне изменилось соотношение сил между западным римлендом, представленным морскими демократиями Западной Европы, хартлендом евразийского мирового острова, представленным Советским Союзом и Россией, и восточным римлендом мирового острова, где наибольшей мощью обладает Китай. Если после 2-й мировой войны это соотношение представлялось как “слабость-сила-слабость”, то теперь это — “сила-слабость-сила”.

В этой принципиально новой геополитической обстановке силы Востока и Запада получили возможность еще больше поживиться за счет геополитических преимуществ хартленда. Единственно правильным способом не допустить этого для основных сил и главных государств хартленда Лю Тао считает поддержку геополитических стратегических интересов Китая на евразийском материке.

Лю Тао призывает к налаживанию прочной кооперации с Россией как центральной силой хартленда и реализации посредством такого сотрудничества основных интересов Китая в этом регионе. Он считает ошибочным и опасным вытеснение России и противостояние сил восточного и западного римленда. Но вместе с тем Лю Тао полагает неприемлемым и возврат к монополии России в хартленде. В отличие от методов “выталкивания” и “исключения”, используемых ЕС в отношении стратегических интересов России, Китай делает акцент на “вовлечение” и “интеграцию”. В международных политических кругах известно: если вы включаете Россию в ряд врагов, она станет вашим врагом. Этого поднимающийся Китай должен всеми силами избегать. В современной сложной международной обстановке находящийся на восточной периферии мирового острова Китай должен установить хорошие отношения стратегического партнерства с находящейся в центре мирового острова Россией. Только в этом случае возможно повышение Китая, заключает Лю Тао.

Большое значение придает Лю Тао иранской проблеме. С его точки зрения, предотвращение возможного обретения Ираном ядерного оружия — лишь прикрытые подлинные замыслы США, которые стремятся поглотить эту страну. В такой стратегической обстановке ШОС, по мнению Лю Тао, координирует интересы его участников, разрушает планы США путем цветных революций совер-

шить перевороты в пяти центрально-азиатских республиках, изолировать Иран и, в конечном счете, осуществить его военную оккупацию и тем самым окончательно установить единоличный контроль над путями транспортировки энергоносителей во всем мире. В иранском вопросе, полагает Лю Тао, Китай и Россия должны принимать решения, исходя из стратегических соображений, поскольку они касаются коренных национальных интересов обеих стран. Поэтому он считает весьма важным использовать в этом регионе механизмы двустороннего и многостороннего сотрудничества, развивать добрососедские межгосударственные отношения, что служит неотъемлемым звеном в становлении Китая как государства первого ранга.

К разряду реалистических следует отнести и концепции, авторы которых стремятся выстроить прагматичные и выгодные для своей страны отношения в треугольнике Китай—Россия—США. В их числе можно назвать работы бывшего военного, военно-морского и военно-воздушного атташе при посольстве КНР в РФ, известного ученого, сотрудничающего во многих исследовательских и учебных институтах КНР, генерала Ван Хайюня. В отличие от ряда своих коллег, полагающих, что такого треугольника более не существует, он не только признает его наличие, но и подчеркивает его принципиальную важность для долгосрочной стратегии своей страны¹².

Несмотря на ослабление гегемонистских позиций США, эта страна, как полагает Ван Хайюнь, еще долго будет оставаться сильнейшей в мире, Китайско-американские экономические отношения имеют первостепенное значение для развития экономики КНР. Гуманитарные связи Китая с США по своей широте и глубине не сопоставимы ни с какими иными. Расширение глобальных интересов Китая повсеместно вступает во взаимодействие с интересами США. Если США не откажутся от своей стратегии сдерживания Китая, они будут для него главным стратегическим соперником. Поэтому выстраивание отношений с США является для Китая важнейшей задачей.

Вместе с тем, убежден Ван Хайюнь, отношения с Россией представляют для Китая незаменимую стратегическую ценность. Соседство двух больших государств — важнейшая геополитическая реальность. В определенном смысле слова — это “полнеба” безопасности северной части страны. Стратегические интересы, стратегические представления Китая и России в огромной степени совпадают. По целому ряду важных международных проблем Китай и Россия — трудно заменимые стратегические партнеры. Китайско-российское стратегическое партнерство — важная гарантия предотвращения дальнейшей дестабилизации международной стратегической обстановки. Это партнерство составляет важную основу построения нового международного политического и экономического порядка. Китай ни в коем случае не должен ради развития отношений со своим стратегическим оппонентом жертвовать отношениями со своим важнейшим стратегическим партнером. И с точки зрения стимулирования отношений с США, Китай также должен укреплять свое стратегическое партнерство с Россией.

Ван Хайюнь считает необходимым укреплять взаимное стратегическое доверие Китая и России, рассеивать и устранять подозрения России, особенно по поводу его связей с США, его подхода к России после своего усиления, так называемой “демографической экспансии”, “экономической экспансии” и по другим проблемам. В стимулировании движения к многополярности мира, в становлении нового международного политического и экономического порядка, в формирова-

нии механизмов “двадцатки” и БРИК, в проблемах строительства ШОС Китай должен всемерно укреплять стратегическое партнерство с Россией. Чрезвычайно большое значение имеет реальное деловое сотрудничество Китая с Россией в самых разных областях. Только расширение и углубление такого сотрудничества может укрепить материальную основу стратегического партнерства двух стран. Таковы главные выводы из соображений Ван Хайюня о развитии трехсторонних отношений между Китаем, США и Россией, с которыми трудно не согласиться.

Выше приведенный обзор современных геополитических взглядов китайских аналитиков позволяет прийти к следующим основным заключениям.

- Как бы ни воспринимать отношения между существующей и восходящей сверхдержавами: в радикально-националистическом, великодержавном или реалистическом ключе, во всех случаях очевидно, что они на долгосрочную перспективу будут центром не только китайской, но и глобальной стратегии. Но от того, какой из рассмотренных подходов будет избран Пекином, зависит и будущее самого Китая, и будущее планеты.

- Выбор *националистического* варианта с очень большой долей вероятности означал бы обострение противоборства между Китаем и США. Причем обострение, как видно из аргументов сторонников этого подхода, на южном и юго-восточном направлении, включая сферу морского и воздушного пространства. Трудно оценить вероятность такого выбора. Но во всяком случае, она не равна нулю. На него работают, прежде всего, отнюдь не беспочвенная уверенность в том, что США ни при каком раскладе не уступят Китаю глобального первенства, а Китай, в свою очередь, никогда не откажется от этой идеи. Альтернативой упорному и безостановочному возвышению может быть только скатывание на позиции вечно второстепенной державы. А из этого следует неперемнное обострение конфликтов, которое, как признают сторонники практически всех подходов, не может исключить перерастания в вооруженное столкновение.

- Радикально-националистический выбор, который можно еще назвать и выбором в пользу концепции морской силы, имеющей немало сторонников в Китае, подкрепляется также и тем обстоятельством, что именно южные моря имеют для Китая первостепенное стратегическое значение. По меньшей мере, в трех важнейших отношениях. Во-первых, здесь находится ключ к завершению процесса воссоединения китайских земель. Во-вторых, тут располагаются основные спорные акватории, потенциально богатые нефтяными и иными ресурсами. В-третьих, здесь пролегают главные пути, связывающие Китай с источниками сырья и энергии в Африке и на Ближнем Востоке. И именно поэтому Юго-Восточная и Южная Азия, скорее всего, станут главной ареной американо-китайского противоборства, в которое будут, так или иначе, втянуты все страны этих регионов.

- Выбор *великодержавный* ни в коей мере не отвечает коренным национальным интересам Китая, но он, безусловно, выгоден для определенной части китайской элиты, связанной с Западом, точнее говоря, с соответствующими кругами США. Но он опять-таки не полностью исключен, поскольку его сторонники апеллируют к возможности избежать обострения отношений с США. Поэтому они всеми силами противятся концепции морской силы. Поэтому они стремятся переориентировать основное направление китайской экспансии с Юга на Запад и Север. Поэтому они рассчитывают использовать в своих интересах третьи страны.

- Сторонники *реалистических* подходов предлагают трезвый взгляд на политику США в отношении Китая и на перспективы китайско-американских

отношений. И, что для нас самое главное, они отдают должное значению китайско-российского партнерства. Надо надеяться, что именно эти подходы имеют наилучшие шансы возобладать в китайской геополитической стратегии и внешней политике.

- Не исключено, что реалистичный в принципе выбор может сочетаться в определенных обстоятельствах и по определенным направлениям с какими-то частичными элементами радикально-националистического подхода. В пользу этого свидетельствует, например, сравнительно широкое поле деятельности, предоставляемое сегодня националистам и “ястребам”. Но если подходить к такой возможности чисто прагматически, то нельзя не признать, что она может быть оправдана тем обстоятельством, что подобное сочетание небезуспешно используют США. И, кроме того, для нас немаловажно и то, что китайский национализм обращен против Запада, в первую очередь, против США и, в отличие от великодержавного экспансионизма, лишен антироссийской направленности. Более того, его сторонники с большим сочувствием относятся к российскому стремлению отстаивать собственные национальные интересы всеми доступными средствами.

1. Чжан Дэгуан. Шицзе гэцзюй хэ гоцзи чжисюй юньнянь гайгэ [В международной обстановке и мировом порядке назревают перемены] // Чжунго цзинцзи чжоукань. 2010. 8 янв.
2. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 34–51.
3. Чэнь Чжоу. Синь синши ся Чжунго фанъюйсин гофан чжэнцэ ды синь фачжань [Новое развитие оборонительной политики национальной обороны Китая в новых условиях] // Сюэси шибао. 2010. 18 марта.
4. Лю Ян. Чжунго мэй ю банъян. Сифан бу ши шанди. Мэйго бу ши цзюйшичжэ [Для Китая нет образца. Запад — не Бог, Америка — не мессия]. Пекин, 2009.
5. Ван Сяодун. Тяньмин согуй ши даго [Большое государство по волне Неба] Цзянсу, 2008.
6. Дай Сюй. С-син баовэй: нэй ю вай хуань ся ды Чжунго тувэй [С-образное окружение: Прорыв Китая из внутренних и внешних бед и потрясений]. Пекин, 2010.
7. http://blog_48ad951d0100g2s9.html.
8. Лю Ячжоу. Бай суй кунцзюнь [100 лет ВВС]. — http://blog.sina.com.cn/s/blog_53c6f2fc01000p0e.html.
9. Там же.
10. Хоу Мэйго шидай ды даго сывэй: Чжунго мэн [Ментальность великой страны в постамериканскую эпоху: китайская мечта]. — http://vip.book.sina.com.cn/book/index_120131.html.
11. Лю Тао. Тоудэн цянго. Чжунго ды мэньсян, сянши юй чжаньлюе [Держава первого ранга. Мечты, реальность и стратегия Китая.] Пекин, 2009.
12. Ван Хайюнь. Вого гоцзи чжаньлюе юньчоу бисюй чжунши Чжун-Мэй-Э саньцзю гуаньси ды цуньцзай [В логистике международной стратегии Китая необходимо учитывать существование треугольника Китай-США-Россия]. — <http://blog.people.com.cn/blog/c9/s101221,w1264648100626543>.